

ВЕРБАЛЬНОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ СОГЛАСИЯ ГОВОРЯЩЕГО В ДИАЛОГЕ*

Среди разнообразных типов референции в диалоговой номинации обращает на себя внимание обозначение согласия говорящего. Анализ языкового материала показывает, что обозначение согласия говорящего в диалоге представляет собой функционально обусловленный феномен, связанный с организацией диалога как целостной интеракции и реализующийся в многообразных коммуникативных формах.

Ключевые слова: вербальная номинация, согласие, диалогический дискурс, вариативная манифестация.

Согласие говорящего представляет собой существенный компонент речевой коммуникации. Данное обстоятельство убедительно демонстрируется при обращении к ставшему классическим определению дискурса, принадлежащему Э.Бенвенисту и состоящему в «самом широком смысле как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [Бенвенист Э. 1974: 276]. Как видим, в данном определении дискурса названо всего пять объектов, составляющих природу дискурса (высказывание, говорящий, слушающий, намерение, воздействие), и один из них – намерение говорящего, которое выражается его позицией, в частности, согласием или несогласием.

Каждое высказывание есть реализация намерения говорящего, но не в каждом высказывании намерение говорящего обозначается вербально. В связи с этим феномен вербального обозначения согласия говорящего вызывает острый интерес, побуждая исследователя к постановке и изучению ряда вопросов – о типах такого рода обозначений, о возлагаемых на них функциях в диалоге и о соотношении семантики обозначаемого согласия с психолингвистическим содержанием коммуникативного согласия как события речевой деятельности коммуниканта.

Несколько примеров высказываний с обозначением согласия говорящего:

Пример 1.

- Mrs.Marlowe is by the pool, sir.
- Thank you, Tino, how does she look?
- Very lovely, sir.
- **That's correct**, Tino [Chandler R., Parker R. 42].

Реплика одного из участников диалога (**That's correct**, Tino) содержит знаки согласия «**That's correct**», являющиеся знаковой манифестацией реакции на реплику партнера по диалогу; в свою очередь, в этих знаках содержится знаковая программа речесихического действия для партнера – осознания со стороны Тино одобрения партнером (Марлоу) поведения и личностных манифестаций говорящего (Тино).

Пример 2.

- That greaming was terrible.
- **Shocking** [Michaels F. 1995: 108].

На оценку ситуации одним участником диалога как terrible, его партнер по диалогу отвечает знаками согласия – усиливающим оценку синонимом «Shocking», который представляет собой вербальную реакцию на высказывание партнера, но одновременно и знаковую программу речесихического действия для партнера (осознания оценочной,

* © Устинова Е.В.

ценностной солидарности партнера по диалогу по отношению к говорящему). Тем самым выявляется интерактивная природа знаков согласия.

Пример 3.

- Не могу с ними договориться. Вроде бы у нас нормальные отношения, но ты понимаешь, как только начнем разговор – сразу скандал.

- **Еще бы, я тебя понимаю** [Мальшева А. 2006:22].

В предложенном примере говорящий утверждает свойство своего коммуникативного поведения (понимание, согласие с тем, о чем говорит партнер по диалогу). Интеракция состоит в том, что первый коммуникант своей репликой предлагает второму определенное вербальное описание ситуации («Все ушли», «Не могу с ними договориться...»), а второй коммуникант с помощью знаков согласия, представленных в его высказывании («Я поняла», «Еще бы, я тебя понимаю»), демонстрирует принятие им того описания ситуации (когнитивную, гносеологическую, идеологическую солидарность), которое предложено первым. Прагматический эффект вербальных знаков согласия состоит в координации взглядов на ситуацию, демонстрирующую когнитивное и аксиологическое (ценностное) сходство жизненного опыта коммуникантов, т.е. их личностную конвергенцию.

Пример 4.

- Ты останешься?

- **Останусь**. Только мне рано вставать на работу [Мальшева А. 2006: 25].

В данном примере говорящий предлагает партнеру по диалогу знаковую программу речепсихического действия, влекущего за собой практическое действие («Ты останешься?»), а второй знаками согласия («Останусь») демонстрирует готовность совершить предлагаемые действия. Прагматический эффект вербальных знаков согласия состоит в координации речепсихических и практических действий коммуникантов.

Все, приведенные выше, данные примеры демонстрируют органическую связь, которая существует между речевым поведением говорящего и речевым поведением его партнера по диалогу. Речевое поведение говорящего опирается на некоторое свойство речевого поведения партнера, соотносится с ним. Тем самым диалог демонстрирует отношение взаимодействия, взаимного влияния, или интеракции, которое, как можно полагать, лежит в основе диалогической конструкции.

Используя данные вербальные обозначения согласия, первый коммуникант исходит из некоторых допущений (знаний) относительно личности и деятельности партнера (он знает, что партнер поймет его речь; он знает, что партнер способен принять предложение присоединиться к нему, поскольку он им управляет; он полагает, что партнер, вероятно, примет его предложение). В совместной деятельности партнеры действуют на основании индивидуальных мотивов и преследуют индивидуальные цели, - отмечает К.Менг, - но при этом, по крайней мере в определенной степени, у них должны совпадать цели. В противном случае индивидуальные действия не смогут быть скоординированы в коллективную деятельность [Менг К. 1983: 224]. Таким образом, говорящий действует под влиянием имеющегося у него представления о личности и деятельности адресата; он производит высказывание, побуждающее адресата совершить интерпретирующую, а вслед за ней и в связи с ней моторную или речевую деятельность, в которой он заинтересован как инициатор диалоговой интеракции. Обозначение своего согласия также обусловлено со стороны адресата, поскольку говорящий допускает, что приводимый им аргумент будет убедительным для данного адресата с его ценностями, склонностями, знаниями, нормами поведения и жизненным опытом.

Как показывает изучение данного языкового материала, анализ семантики высказываний диалога, отвлеченный от когнитивных и прагматических факторов, не позволя-

ет преодолеть своего рода завесу, укрывающую от внимания исследователей действительную реальность механизмов, определяющих организацию диалогического дискурса. Когнитивный аспект явления вербального обозначения согласия говорящего в диалоге состоит в том, что высказывания, содержащие такого рода обозначения, представляют собой коммуникативную реализацию концептуальных единиц, или систем, особого рода – систем представлений о согласии (шире – позиции) и действиях коммуникантов, специфических коммуникативных знаний, сформированных в коммуникативном сознании субъектов практикой речевого общения относительно позиции, занимаемой коммуникантами в диалогическом взаимодействии. Сами же эти знания, как полагают, бывают двух типов, или уровней. При упоминании о двух уровнях знания, естественно, имеется в виду не всякое знание вообще, а только знание, представленное в языке (язык в данном случае понимается достаточно широко, скорее всего, в гумбольдтианском духе), поскольку, в соответствии с эпистемологической теорией Ж. Пиаже, язык есть лишь один из способов представления знаний. Предложено различать две основные разновидности языкового знания — собственно языковое и текстовое знание: “Языковые знания суть не что иное, как компонент наивной картины мира данного этноса, закодированный в самой системе языка, т. е. в его словаре и грамматике. Текстовые знания, в отличие от языковых, — эта некоторая система информации о действительности, составляющая план содержания текста или множества текстов” [Касевич В.Б. 1990: 99 и сл.]. Как отмечает Е. С. Кубрякова [1992: 27], в организации знания надо, по всей видимости, разграничивать структуры, напрямую связанные с языком, “оязыковленные” или же представленные с помощью языка, и, напротив, структуры, прямо с языком не связанные. Конечно, сам вопрос о том, как соотносятся между собой структуры знания, объективированные и опосредованные языком, и структуры, представленные в голове человека принципиально иными способами (умениями, навыками и т. п.), еще далек от разрешения, но лингвистика позволяет поставить в первую очередь вопрос именно о тех формах репрезентации, которые так или иначе связаны с языком [См. Кравченко А.В. 2004: 22]. Термин «текстовые знания» представляется нам не очень удобным, поскольку он соотносит знания коммуниканта только с текстом, однако за текстом всегда стоят деятельности коммуникантов: текст по своей сущности представляет собой знаковую сопряженную модель коммуникативных деятельностей отправителя и адресата сообщения [См. Сидоров Е.В. 2007]. Поэтому вместо термина «текстовые знания» мы предпочитаем использовать термин «коммуникативные знания» или «знания коммуникации». Знания, которые реализуются говорящим при вербальной номинации согласия говорящего в диалоге – это концептуальные компоненты дискурса, это знания коммуникации постольку, поскольку они относятся к важнейшим составляющим речевой коммуникации – с позицией коммуникантов (эти номинации обозначают как позицию самого говорящего, так и позицию адресата – партнера по диалогу). Очевидно, однако, что при вербальной номинации согласия говорящего в диалоге реализуются и языковые знания - в узком смысле слова, в связи с ресурсами обозначения, имеющимися в данном языке.

Вопрос о мотивах, побуждающих говорящего к вербальному обозначению своего согласия как говорящего переводит размышление на уровень выше и побуждает искать ответ на вопрос о том, какова роль этих концептуальных компонентов дискурса в адекватной интерпретации информации и поведении людей. Здесь познавательный аспект дискурса смыкается с его прагматическим аспектом, где важную роль играют социальные условия взаимодействия коммуникантов.

Мы полагаем, что глубинной потребностью, удовлетворение которой служит мотивом деятельности говорящего в диалоге, является необходимость речевого управления деятельностью реципиента, поскольку только через речевое управление возможно ре-

альное согласование, действительная координация деятельности участников диалога. В силу самой своей сущности механизм вербального обозначения согласия говорящего бинарен, поскольку существенным образом ориентирован на личность партнера по коммуникации. Существуют многочисленные указания на то, что в коммуникативном сознании говорящего существенно значимое место занимает образ личности партнера по коммуникации, образ деятельности реципиента. Что касается мотива коммуникативной деятельности реципиента, то в своей типовой форме он заключается, как мы полагаем, в удовлетворении потребности познания через коммуникативный канал, такого познания, которое необходимо субъекту для осуществления своей жизнедеятельности в обществе.

При очевидных внешних различиях в мотивах действий говорящего и действий реципиента, сами они находятся в устойчивой функциональной взаимосвязи, поскольку мотив коммуникативной деятельности личности говорящего предполагает мотив коммуникативной деятельности личности адресата. В связи с этим речевое управление включает коммуникативно-познавательную мотивацию деятельности личности адресата. Более того, можно говорить о некотором надындивидуальном мотиве речевой коммуникации, входящем в область ее надындивидуальной субъективности. Содержание этого интегративно-межличностного мотива заключается в удовлетворении (в форме индивидуальной деятельности) коллективной потребности в согласовании деятельности коммуникантов, в организации их интеракции. По-видимому, этот надындивидуальный мотив, хотя и входит в сферу мотивации индивидуальной коммуникативной деятельности, остается, как правило, неосознаваемым или слабо осознаваемым самим коммуникантом.

Реплика партнера с вербальными обозначениями согласия знаменует отказ от совершения предложенного действия и использует вербальное обозначение своего согласия для формирования в сознании партнера по общению образа намечаемого им действия, чтобы партнер получил в форме данного образа когнитивное основание для совершения им соответствующих действий. Это событие знаменует завершение элементарного цикла знаковой координации деятельности коммуникантов в диалоге. Особенность знаковой координации деятельности коммуникантов в данной ситуации состоит в том, что для осуществления знакового управления деятельностью партнера выбран особый способ: вербальное обозначение согласия говорящего. Наиболее прозрачно это назначение проглядывает в императивах и пропозитивах, особенно в слитных формах. Однако в констативных формах выявляется тот же принцип знакового управления интерпретативным, а впоследствии и производно-моторным поведением реципиента - партнера по диалогу.

По-видимому, высказывания с обозначением согласия коммуниканта представляют собой коммуникативную реализацию концептуальных систем особого рода – систем представлений о позиции и действиях коммуникантов, специфических коммуникативных знаний. Однако остается открытым вопрос о том, в чем состоит мотивация вербального воплощения этих знаний. Объяснение, состоящее в утверждении прямо отражательно-го характера дискурсивной (речевой) семантики представляется неудовлетворительным. Очевидно, что семантика вербального обозначения согласия говорящего в диалоге не совпадает с содержанием действительной интерактивной позиции говорящего по оказанию влияния на деятельность реципиента.

Описание значения, семантики такого рода высказываний возможно в рамках «семантического апрагматизма», состоящего в истолковании значения высказываний в плане его строгой соотношенности с действительностью, без вовлечения каких бы то ни было субъективных, ценностных отношений и оттенков, без субъективной избирательности по отношению к референтной ситуации. Типичное выражение апрагматизма в семантике мы находим во многих современных работах. Например: «Предложение в норме должно быть максимально адаптировано к тому, что оно обозначает. Это касается двух его ас-

пектов: выбора номинаций по их соответствию предмету мысли и выбора модальности по ее соответствию знаниям говорящего о положении дел» [Арутюнова Н.Д. 1999: 830]. В рамках семантического апрагматизма смысл высказывания с обозначением согласия говорящего может быть истолкован только как констатация объективного положения дел: партнеру по диалогу сообщается, что говорящий занимает определенную позицию относительно некоторой ситуации. Апрагматический вариант интерпретации смысла данных высказываний, отражающий, как отмечает Дж.Остин, одно из направлений современного критического осмысления сложившегося на протяжении веков философского допущения, согласно которому сказать что-то всегда означает попросту *утверждать* это [Остин Дж. 1986: 30], оставляет чувство неудовлетворенности, поскольку в таких высказываниях чувствуется, помимо того, что утверждается, нечто еще, а именно, побуждение партнера к определенному типу речевого и, возможно, неречевого (производно-моторного) поведения. По-видимому, мотивом высказывания с обозначениями согласия коммуниканта является не просто констатировать позицию говорящего (в знаковой словесной форме адекватно воспроизвести психически переживаемое коммуникативное согласие), но побудить партнера к определенному действию, например, к тому, чтобы осознать необходимость, уместность или неуместность («релевантность») своих планируемых действий и планируемых действий партнера. Во всяком случае, в понятие «предмета мысли» и «знания говорящего о положении дел», составляющих то, что определяет в высказывании выбор номинации, следует так или иначе включить идею побуждения партнера к определенному поведению. Что же касается вербального обозначения согласия говорящего, то номинации, выбираемые для этого, нередко обозначают то, чего еще нет; таким образом, речь идет о «положении дел», которого к моменту речи еще не существует, и относительно которого нельзя с полной уверенностью утверждать, что оно сложится как именуемая и тем самым уже не только ментальная, то есть не только предполагаемая реальность.

Явление вербального обозначения согласия говорящего в диалоге по своей функциональной значимости в организации диалога как совокупности речевых тактик и стратегий и, в конечном итоге, как интерактивной знаковой конструкции, направленной на обеспечение успешной интеракции, заслуживает того, чтобы этому явлению был присвоен статус особого способа знакового управления поведением партнера по диалоговой интеракции: знаковое управление поведением партнера по диалогу способом вербального обозначения согласия коммуниканта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 839 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 424 с.
3. Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. – М.: Наука, 1990. - С. 87-102.
4. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. - Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та, 2004. - 206 с.
5. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. - М.: Наука, 1992. - С.22-35.
6. Малышева А. Когда отступать некуда, дерутся насмерть. - М.: Изд-во Астрель, Изд-во АСТ, 2006. – 493 с.
7. Менг К. Семантические проблемы лингвистического исследования коммуникации // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. - С.221-236.
8. Остин Дж.Л. Слово как действие // Пер. с англ. / Теория речевых актов / Новое в зарубежной лингвистике / Сост.и вступ.ст. И.М.Кобозевой и В.З. Демьянкова / Общ.ред. Б.Ю.Городецкого. – Вып. ХУП. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.
9. Сидоров Е.В.Онтология дискурса. – М.:ЛКИ, 2007. – 232 с.
10. Chandler R. – Parker R. Poodle Springs. – N.-Y.: Berkley Books, 1990. – 290 p.
11. Michaels F. Dear Emily. – N. – Y.: Zebra Books, 1995. – 445 p.

E. USTINOVA

VERBAL NOMINATION OF THE CONSENT OF LOCUTOR IN DIALOGUE

Moscow State District University, Moscow

Among different types of verbal reference in dialogical communication verbal nomination of the locutor's consent attracts special attention. The analysis of the dialogical discourse shows that nomination of the consent of the locutor in a dialog is a functionally determined phenomenon linked with the structure of the dialogue as an interactive entity and is manifested in diverse communicative forms.

Key words: verbal nomination, consent, dialogical discourse, interactive entity, variative manifestation.